

Внезапные нападения всегда заставляют сердце биться чаще.

Кто бы ты ни был, сколь бы велик или отважен ни был, неожиданные перемены всегда заставляют сердце на мгновение замереть.

Особенно в такой мертвой, непроглядной тьме.

Когда сердце вновь забилося, Чуныцзин уловил аромат, исходящий от Цзинь Мо, — сладкий запах конфет.

Не дожидаясь, пока Чуныцзин что-то скажет, Цзинь Мо пояснил:

— Если бы не этот сладкий аромат, даже я не нашел бы выхода.

Он тихо вздохнул и пробормотал:

— Неужели ты решил, что мои боевые навыки хуже твоих? Каждый раз нападаешь так внезапно. Если бы только я не был к тебе равнодушен...

Он внезапно рассмеялся и громко произнес:

— Тебе стоит знать: здесь, без моего согласия, ты никуда не уйдешь!

Впереди, в чернильной тьме, забрезжил белый свет — сначала крошечная точка, размером с жемчужину, которая начала медленно разрастаться.

Цзинь Мо смотрел на это сияние с восторгом ребенка, получившего любимую игрушку, и с гордостью показал его Чуныцзину:

— Вот мы и пришли. Добро пожаловать в мой тайный сад.

Не успел он договорить, как обмяк и повалился на ступени у самого выхода.

Чуныцзин посмотрел на свои руки, приподнял бровь и, надув губы, пробормотал:

— Не вини меня, это всё она не выдержала.

Тьма поглощает зрение.

Чуныцзин сделал шаг вперед, и в то же мгновение ослепительный белый свет, словно иглы, вонзился ему в глаза. Стало невыносимо больно, и он крепко зажмурился, закрыв лицо ладонями.

Красный свет просачивался сквозь кожу, проникал в плоть, мягко ложась на сетчатку. В ушах зазвенели железные кольца, ударяясь друг о друга, послышался глухой рокот барабанов и пронзительный свист.

Двор утопал в цветах, источая тот самый сладкий аромат, что он учуял в темноте. На ветвях висели разноцветные ленты, и при каждом порыве ветра они били по барабанам, издавая гулкие звуки.

Среди цветов стояли три изящных, совершенно одинаковых домика. По углам каждого были привязаны толстые, как детская рука, черные железные цепи, уходящие глубоко в землю. Их лязг то звенел, как серебряные колокольчики, то гудел, словно колокол в древнем монастыре.

Чуныцзин поджал губы и взглянул на небо — солнца по-прежнему не было видно, лишь плотный слой облаков скрывал небесные тайны. Он глубоко вздохнул, присел на корточки и, представив себя центром круга, начертил на земле четыре направления:

— Раз, два, три, четыре — на все четыре стороны.

Чуныцзин поднял голову и присмотрелся: это направление было перпендикулярно тем трем домикам.

Он двинулся вперед, и весь путь его сопровождали цветы.

Чуныцзин шел уже довольно долго, но ограды так и не было видно. Он обернулся, но домики исчезли — деревья окутал густой туман, который оседал на его волосах и ресницах мелкими каплями воды.

— Повернуть назад? — Чуныцзин посмотрел на сгущающийся туман, слегка приподнял бровь, отломил цветочную ветку и пробормотал: — Нет, лучше идти вперед, может, уже скоро дойду.

Решившись, он отбросил сомнения и, помахивая веткой, зашагал дальше.

Теперь он был уверен: Цзинь Мо еще не догадывается, что перед ним не Чжилен. А значит, пока его не разоблачили, проблем не будет.

Вдруг до слуха донесся шум воды и всплески рыбы, выпрыгивающей на поверхность. Глаза Чуныцзина радостно блеснули. Он прибавил шагу и увидел изумрудное озеро.

Чуныцзин подошел к воде и, глядя на свое отражение, принялся разглядывать маску из человеческой кожи. Он не мог не восхититься собой: в последнее время его искусство перевоплощения стало еще совершеннее, он вышел на новый уровень.

Золотистый карп подплыл к берегу, высунул голову из воды и уставился на Чуныцзина ясными, как чистая вода, глазами.

Чуныцзин прищурился, закатал рукава и, опустив руки в воду, стал медленно приближаться.

Рыба легко прыгнула, вильнула хвостом и нырнула в глубину, мгновенно исчезнув. Там, где она только что была, в воде отразились алые ворота, обитые позолоченными гвоздями. Две дверные ручки в форме звериных голов сжимали в зубах золотые кольца, намертво запирая проход. Над воротами висела черная табличка, на которой неразборчиво были начертаны два золотых иероглифа. Чуныцзин прищурился и подался вперед, пытаясь разобрать надпись.

— Эй! Ты сейчас упадешь! — раздался чей-то голос, звонкий, словно пение иволги.

Чуныцзин вздрогнул и поднял голову, озираясь в поисках того, кто это сказал.

Туман становился всё гуще, расползаясь прямо от воды.

<http://bllate.org/book/19782/1949322>